

Сергей Румянцев

Политическая экономика войны: «Специальная военная операция» в повседневной жизни россиян | зима 2024-25

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Center for Independent Social Research, Berlin

№1 | март
2025

Содержание

2	Введение: война в повседневности
5	Экономика в ситуации санкций и россияне
7	Инфраструктура мирного времени в ситуации войны
12	Война и перераспределение финансовых ресурсов
15	ВПК и рост числа рабочих мест
17	Угроза политических репрессий
20	Официальная идеология и экономическое благополучие
23	Заключение

Введение: война в повседневности

Визиты в Россию после начала войны в Украине обладают эффектом «холодного душа». Отправляешься в страну, ожидая быстрого погружения в напряженную атмосферу воюющей страны, и оказываешься в России, где, на первый взгляд, продолжается размеренная довоенная жизнь. Влияние войны, политических и экономических санкций на повседневную жизнь россиян представляются, по меньшей мере, несущественными. Первые впечатления заставляют думать, что в повседневной жизни россиян практически ничего не изменилось. Большинство жителей страны войну и санкции либо вовсе не замечают, либо очень мало задумываются о происходящем.

Москва, весна 2024 года. Фото Сергея Румянцева.

Первый шаг погружения в контекст — встречи и беседы с гражданскими активистами, правозащитниками, журналистами и исследователями, занимающими антивоенную и критическую к режиму позицию, скорее подтверждают, чем опровергают эти наблюдения. Контраст между рассказами собеседников и длительными наблюдениями за повседневной жизнью россиян

неизбежно подталкивает к поспешным заключениям, что наши собеседники замкнуты в своих сетях и сообществах; часто видят ситуацию из весьма специфического ракурса, заметно преувеличивая случившиеся изменения и перенося свой особенный опыт на всех жителей страны.

Очевидно, что война и санкции существенно отразились на определенных группах/сообществах людей: гражданских активистах, деятелях культуры, публичных интеллектуалах, ученых, правозащитниках, журналистах, на всех людях, разделяющих антивоенную позицию. В особенности на тех, кто рискнул высказать эту позицию публично. Многие из них покинули страну в первые месяцы после начала войны. Многие оставшиеся учатся выживать в ситуации усиливающегося авторитаризма и репрессий. Мобилизация сентября 2022 года стала стрессовым моментом для более широкого круга военнообязанных мужчин и членов их семей. Но к зиме 2025 года это уже давнее событие до сих пор не повторившееся. По прошествии трех лет с февраля 2022 года, большую часть населения страны война и санкции напрямую не затронули или их влияние было далеко не столь масштабным как предполагалось первоначально.

Есть ли основания думать, что подавляющая часть жителей страны продолжают жить по мало изменившимся правилам, на которые агрессивная внешняя и репрессивная внутренняя политика путинского режима не оказывают заметного влияния?

Политический режим эффективно справляется со стрессовой ситуацией или Россия – это «страна слепых», россияне полностью сдались на волю правящегося режима и предпочитают не замечать негативные изменения?

Режиму доверяют и поддерживают или критические настроения все же широко распространены, хоть и не высказываются публично?

Каким образом (и если) война, политические и экономические санкции присутствуют в жизни тех граждан Российской Федерации, которые не являются членами антивоенных сетей, групп или сообществ?

Ключевой тезис можно обозначить следующим образом: продолжительность противостояния, масштабы вовлеченных в него ресурсов не оставляют сомнений в том, что в той или иной форме война пришла в дом к каждому гражданину России. После вторжения в Украину в повседневности множества россиян случались какие-то немыслимые ранее события и происходили изменения (пусть и не

всегда значительные) привычных норм жизни. В рамках данной аналитической заметки мы предпринимаем попытку обозначить степень влияния войны на повседневную жизнь россиян, на первый взгляд «невидимую». В первую очередь речь пойдет об экономике и политике в их связи между собой. Иными словами, это попытка обозначить основные (вызванные войной и противостоянием с «Западом») тенденции, проявляющиеся в повседневности жителей России.

Данный анализ основан на материалах, собиравшихся во время длительных поездок в Россию в 2023–2024 годах, наблюдениях, многочисленных неформальных беседах и интервью с россиянами, членами различных социальных групп; жителями разных городов и регионов.

Москва, зима 2024 года. Фото Сергея Румянцева.

Экономика в ситуации санкций и россияне

¹ Вязкая стабильность: что спасает и что губит российскую экономику

Рассуждения о том, «что спасает и что губит российскую экономику»¹, анализ статистических и макроэкономических показателей мало помогают в понимании изменений, происходящих в жизни конкретных россиян. Санкции призваны были существенно затормозить экономику, создать финансовый и технологический голод. Всем россиянам следовало почувствовать негативные повседневные изменения; заплатить свою цену за поддержку или не сопротивление агрессии. Должна была возникнуть ситуация массового недовольства и максимально широкого распространения желаний смены режима. В идеале, если и не все, то абсолютное большинство, в итоге, раскаивалось и осуждало войну и правящий режим. В соответствие с этой логикой, вопрос коллективной вины, степени ответственности (в том числе и экономической) каждого гражданина страны, открыто не осудившего агрессию, также входит в рейтинг наиболее популярных в среде экспертов, антивоенных активистов и политической эмиграции². Можно ли утверждать, что какие-либо из перечисленных ожидаемых эффектов случились или, по крайней мере, ощущается их грозное приближение?

² О кризисе повестки коллективной вины

С февраля 2022 года о состоянии российской экономики говорят не меньше, чем о перипетиях военных действий в Украине. За три года войны «пациенту» успели поставить самые разные диагнозы. В первые месяцы после вторжения в Украину весьма высоки были ожидания стремительной дезинтеграции экономики страны-агрессора. Подобные прогнозы складывались под впечатлением от быстрых и беспрецедентных международных санкций. Граждане страны активно обсуждали этот «первый диагноз» и очень многие опасались стремительных перемен к худшему. Экономические перспективы были важнее и касались каждой семьи, в отличие от событий на фронте (что будет с реальными доходами/зарплатами; удастся ли выплачивать многочисленные кредиты и т. п.).

³ Ресурсы на грани исчерпания. Почему российская экономика перегрелась и грозит ли это кризисом

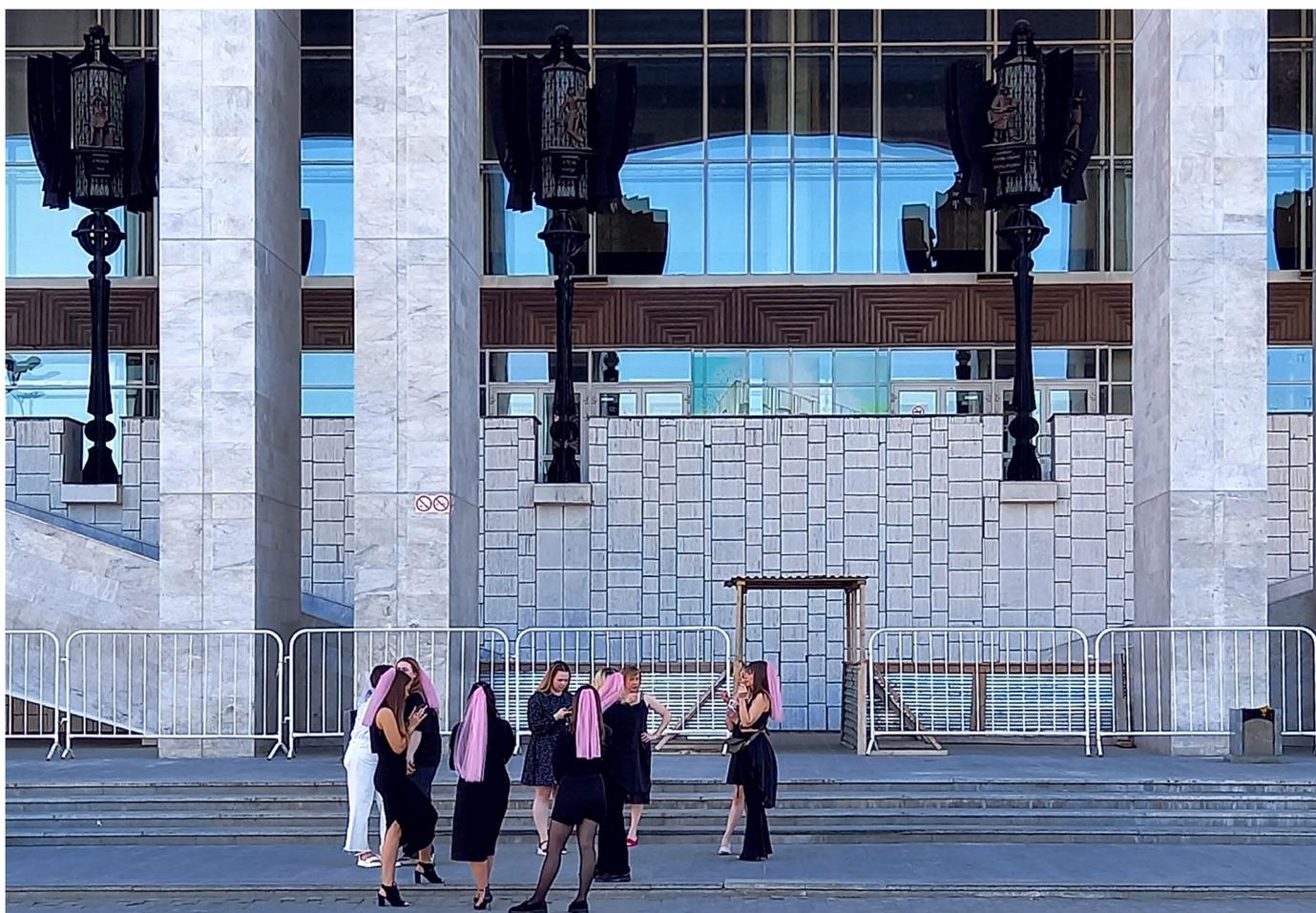
Когда скорого краха не случилось, первоначальная растерянность экспертов сменилась разноголосицей во мнениях. Партия «оптимистов» выражает надежду, что ресурсы уже на грани исчерпания³, а экономика сильно перегрелась⁴. «Пессимисты», напротив, утверждают, что российский режим в «состоянии поддерживать военные расходы на высоком уровне еще достаточно долгое время, как это делали другие страны-изгои»⁵. Все варианты прогнозов подразумевают схожую визионерскую схему, в

⁴ Слишком горячо. Чем обернулся перегрев российской экономики и почему ее трудно охладить

⁵ В условиях военного бремени. Главные вопросы о настоящем и будущем российской экономики

⁶ «Путинский режим вполне может продержаться еще 10 лет»

которой устойчивость экономики равна не только продолжительности войны, но и выживанию путинского авторитарного режима. В соответствии с этой логикой, и война и авторитарный режим закончатся в момент экономического краха. Впрочем, многие «прорицания» относительно срока годности режима прозрачно намекают еще и на «почтенный» возраст президента Российской Федерации⁶. Но большинство россиян, опасавшихся за свое личное/семейное экономическое благополучие, почувствовали облегчение. Краха не случилось, жизнь продолжается. И хотя опасения сохраняются, но «угрозы» экспертов к зиме 2025 года уже гораздо меньше волнуют россиян. Завышенные ожидания в период начала политики санкций снижают эффект негативных изменений, касающихся каждого жителя страны. Даже быстро возрастающая дороговизна жизни представляется переменной незначительной по сравнению с возможным тотальным крахом всей экономики страны, а вместе с ней и жизненных планов всех ее граждан.

Пермь, весна 2024 года. Фото Сергея Румянцева.

Инфраструктура мирного времени в ситуации войны

Для большинства населения сама война и теперь остается больше картинкой на экране, новостями в СМИ. Как россиянину, не являющемуся антивоенным политиком, активистом, деятелем культуры или ученым, приобрести опыт личного эмоционального переживания момента агрессивной войны?

С начала 2000-х политический режим со все возрастающей активностью реализует политику памяти, центральное место в которой отводится теме «Великой Отечественной войны» (1941–1945 годов). Эта тема вписывается в героический нарратив многовекового противостояния внешним врагам, достигающего кульминации в «Великой Победе» 1945 года. Сама эта политика памяти не является сугубо новым явлением. Ее истоки следует искать в советском периоде, когда в контексте Холодной войны создавалась первая версия грандиозной официальной коммеморации (не позже 1965 года). То есть разным версиям этой политики памяти не менее шести десятков лет. В ее рамках популяризировались не только образы героических предков, которым потомки должны соответствовать, но и образы врага, ныне вновь широко востребованные («Запад», США, фашисты/нацисты и пр.).

Улан-Удэ, осень 2024. Фото Сергея Румянцева.

Представления о том, как «настоящая война» должна выглядеть и

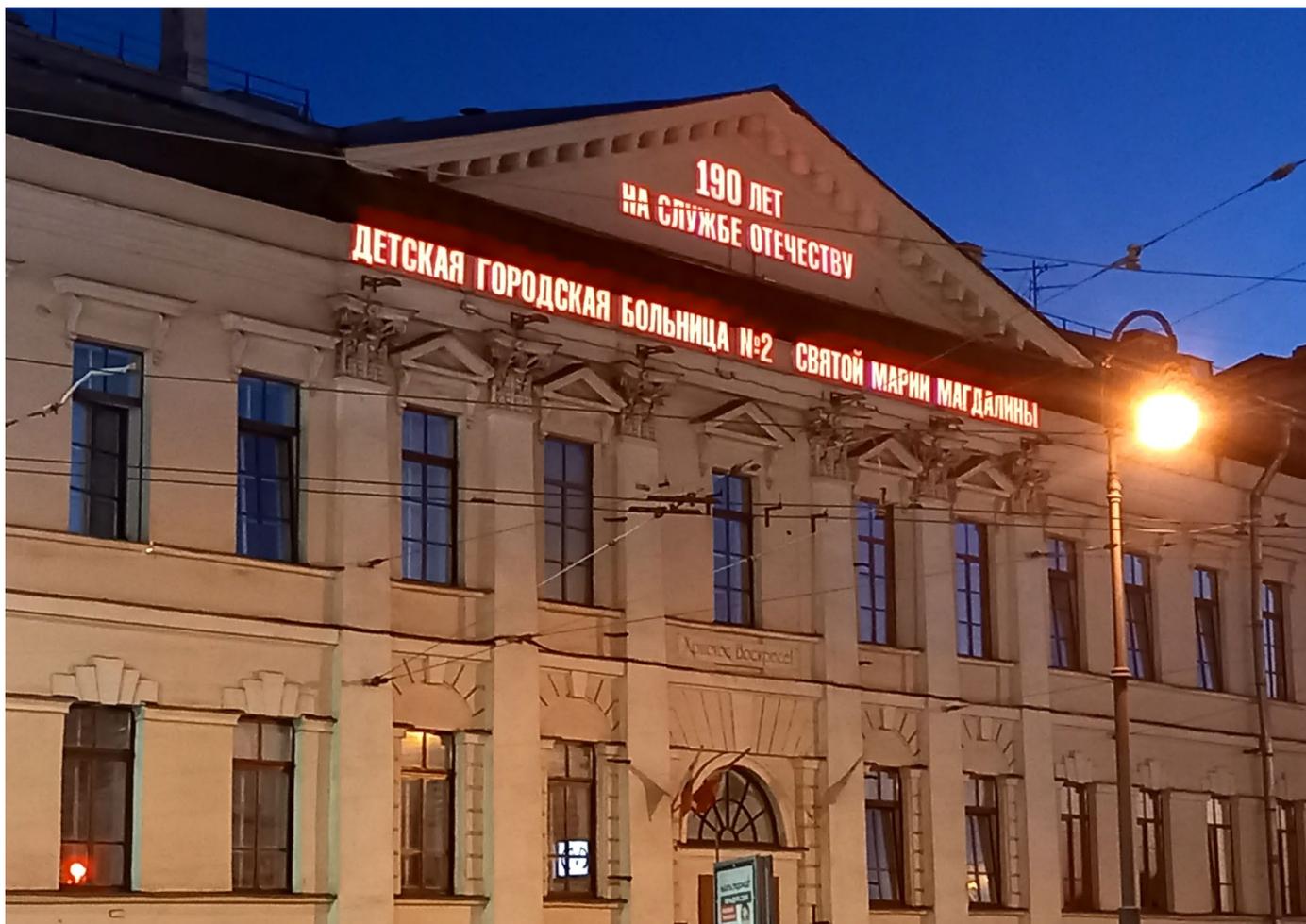
переживаться, черпаются из той же коммеморации. Такие привычные с детства картины войны, как массовая мобилизация («все ушли на фронт»); голод и холод; бесконечные бомбежки и масштабные разрушения; оккупация значительной части территорий; страх ожидания похоронки (нередко очередной); обмороки и даже смерть от истощения у рабочего станка; огромное число беженцев приходят в явное противоречие с переживанием нынешней войны. События в Курской области представляются хоть и болезненными, но незначительными в масштабах огромной страны и не могут изменить эту тенденцию. Многие российские регионы с 2014 года справлялись с куда большим потоком беженцев с востока Украины, чтобы пережить существенный стресс из-за беженцев из Курской области.

Война незаметна в повседневной жизни и по той причине, что российский политический режим три года эффективно справляется с задачей сохранения/поддержания инфраструктуры, необходимой для продолжения мирного существования. Продуктовые магазины (люксовые гастрономы и маркеты эконома класса) по-прежнему предлагают богатый выбор товаров. Многие (хоть и далеко не все) бренды одежды ушли из России, но их место быстро заняли местные дизайнеры. В больших городах война стала временем если и не расцвета, то шанса для многих дизайнеров и производителей одежды. Многочисленные рестораны, бары и кафе работают в довоенном режиме и не испытывают недостатка ни в продуктах, ни в посетителях. Значительная часть мелкого и среднего бизнеса пережила не только пандемию, но и три года войны. Очевидно, что пострадали и лишились своих посетителей кинотеатры. Но и эти учреждения для досуга продолжают функционировать, хоть и с заметными ограничениями в качестве и разнообразии кинопроката, участвуя в воспроизводстве нормальности мирного времени.

Инфляция и рост цен во все времена воспринимаются негативно. Но для многих граждан страны это не первые на их памяти такого рода экономические трудности. Таковые случались и вне связи с войной и санкциями (в 1998⁷ и 2008⁸ годах и позже). Помогает и телевизор - новости об экономических трудностях, переживаемых в странах ЕС или в США помогают переживать собственные неурядицы. Тем более, что государственные институты продолжают функционировать в довоенном режиме, зарплаты и пенсии выплачиваются; системы образования и здравоохранения (наиболее важные для большинства россиян в их повседневной жизни) не пришли в состояние коллапса. Недавно пережитый стресс пандемии

⁷ Гилман, Дефолт, которого могло не быть

⁸ Леонид Григорьев, Мировой финансовый кризис 2008 года и экономика России

Санкт-Петербург, зима 2024. Фото Сергея Румянцева.

Очевидно, что поводов для критических замечаний в адрес системы здравоохранения не уменьшилось с началом «СВО». Значительная по численности группа людей, достигших пенсионного возраста, в большей степени чувствует появление новых трудностей. Жители страны открыто обсуждают проблемы в системе здравоохранения и, не строя иллюзий, связывают причины понижения ее эффективности (не важно кажущиеся или реальные) с войной. Но было бы большим преувеличением считать, что испытывающая в связи с войной дополнительную нагрузку система здравоохранения, оказалась неспособна пусть, возможно, и с несколько меньшей эффективностью, удовлетворять нужды граждан (в том числе пенсионеров).

⁹ Разговоры о важном. Сервис для классных руководителей

¹⁰ Мединский: почти 50 ученых работали над новыми едиными учебниками истории

¹¹ Новую линейку единых учебников по истории для 5 - 9 классов представили в Москве

Средняя школа и, шире, институт образования – еще один государственный сектор заметный в повседневной жизни множества граждан страны. Новшества, вызванные войной, активно дискутируются в контексте обсуждений качества и целей образования. В то же время новшества в школьных программах («разговоры о важном»⁹, новые¹⁰ учебники¹¹, дополнительные практики воспитания патриотизма) наделали гораздо больше шума в

СМИ и в среде экспертов/аналитиков, чем внесли изменений в повседневную учебную рутину. Многие несогласные родители, как и многие учителя и администраторы школ быстро научились избегать «дополнительной нагрузки». Значительное социальное расслоение в России в постсоветские годы привело к созданию сети государственных «элитных» и частных школ, на многие из которых новые практики до сих пор не распространились. Контрастное положение дел в разных учебных заведениях (школы «обычные»/ «элитные» / частные и др.) отчетливо отражает специфику социального неравенства в ситуации войны. На детей из финансово благополучных семей, получающих доступ к образованию в частных школах, идеология милитаристского патриотизма априори должна влиять в гораздо меньшей степени.

Санкт-Петербург, зима 2024. Фото Сергея Румянцева.

Можно рискнуть сделать вывод, что по окончании частных учебных заведений шансов оказаться на поле боя у учеников таких школ гораздо меньше, чем у тех, кто учится в государственных. Но прежде чем делать такие далеко идущие выводы, следует озаботиться вопросом эффективности милитаристско- патриотической

пропаганды в средних учебных заведениях. Самый аккуратный вывод – ее не следует переоценивать. Хотя бы по той причине, что у школ и педагогического состава просто нет достаточных дополнительных ресурсов для быстрой реализации новых задач по патриотическому воспитанию.

В целом, повседневная жизнь в больших городах в разных регионах мало изменилась. Отправляясь по своим делам на работу или за детьми в школы, в магазины или рестораны, жители страны видят, что дороги и фасады зданий по-прежнему ремонтируются, магазины ждут своих покупателей, рекламные постеры заывают на массовые распродажи или концертные шоу, городские власти не забывают украшать улицы и дома к каждому очередному празднику. В этих повседневных передвижениях по улицам городов о войне напоминают, в основном, только плакаты с призывами вступить в армию. По сути, они представляют собой объявления о приеме на высокооплачиваемую работу – очень специфическую, но все же работу. Немногочисленные уличные выставки на военную тематику оставляют большинство горожан, спешащих по своим делам, равнодушными.

Москва, осень 2024. Фото Сергея Румянцева.

Война и перераспределение финансовых ресурсов

И все же значительная часть населения страны непосредственно вовлечена в участие в войне. Это, в первую очередь, военнослужащие и, опосредованно, члены их семей. Коммерциализация процесса пополнения вооруженных сил, принимающих участие в военных действиях на территории Украины, один из очевидных, но трудно раскрываемых сюжетов. В первые месяцы реализации такого подхода в СМИ и соцсетях популярны были дискуссии о том, что бюрократия в привычной для нее манере обещает больше, чем реально предоставляет¹². Даже представители власти¹³ не отрицали, что выплаты нередко задерживаются¹⁴. И хотя очевидно, что к зиме 2024–2025 годов государство свои финансовые обязательства в целом выполняло, ситуация остается весьма неровной.

¹² «Мобилизованные выплат не увидят, их неоткуда взять». Власти РФ обещают за отправку на войну деньги, но пока выдают дрова, рыбу и баранов

¹³ Песков назвал неизбежными задержки выплат военнослужащим из-за масштаба СВО

¹⁴ Почему участники СВО не получают заслуженные выплаты

Ряд собранных свидетельств позволяют утверждать, что снабжение и состояние различных воинских частей может быть чрезвычайно неравномерным. Некоторые (условно можно обозначить их как не элитные) воинские части испытывают (и часто острую) нужду во всем: техническом снабжении, продуктах питания, обмундировании; не говоря уже о вовремя поступающих выплатах. Они соседствуют с воинскими частями, для которых налажено стабильное и хорошо организованное снабжение, а все обещанные финансовые выплаты осуществляются в срок. Очень часто подобная ситуация складывается из-за некомпетентных действий конкретных офицеров или бюрократов. Очевидно, что и коррупция не осталась в прошлом с началом войны.

Если верить заявлению Владимира Путина, численность группировки, участвующей в военных действиях, к зиме 2023–2024 годов составляла 617 тысяч человек¹⁵. С одной стороны, речь идет об относительно немногочисленной в масштабах страны социальной группе военнослужащих (преимущественно мужчин среднего возраста). С другой, большинство этих людей представляют небалованный сколько-нибудь большими финансовыми ресурсами и весьма многочисленный сегмент в структуре населения. Принято считать, что значительная их часть (если и не абсолютное большинство) являются членами неблагополучных в социально-экономическом плане групп и «депрессивных» или «отстающих в развитии» регионов. Например, заметное присутствие в войсках выходцев из Дагестана или Бурятии, как правило, объясняется экономической депрессивностью этих регионов. Задолго до

¹⁵ Президент заявил, что в СВО участвуют более 617 тысяч российских военных

войны многие их жители шли служить в армию, так как это был один из немногих способов найти относительно постоянную и регулярно оплачиваемую работу. Прием на службу не требовал наличия специальных компетенций. Только крепкого здоровья. Для самых амбициозных институт армии был привлекательным как один из немногих доступных карьерных лифтов. Но только с началом войны выплаты стали настолько высокими, что многие военнослужащие или члены их семей впервые могут позволить себе большие финансовые траты: строительство домов, покупки квартир и машин, дорогую (в том числе эстетическую) медицину и пр.

Москва, зима 2024. Фото Сергея Румянцева.

Таким образом с началом войны произошло быстрое и весьма масштабное перераспределение финансовых ресурсов по всей стране. Чем депрессивнее экономика региона, тем больше его жителей отправляется на войну и тем существеннее финансовые ресурсы, доходящие теперь до этой территории. Если взглянуть на эту ситуацию из перспективы конкретных граждан и семей, относительно большие финансовые ресурсы стали доступны для представителей тех социальных групп, которые никогда не имели к ним доступа.

В Карелии, Псковской области, Алтайском крае, Бурятии или Туве, как и в других, так называемых депрессивных или отстающих в развитии регионах этот внезапный приток финансов, изменение качества жизни отдельных семей, часто бросается в глаза. Следует ли считать, что данное обстоятельство делает службу в армии более привлекательной для многих других граждан страны? Такой вывод был бы очень поспешным. Например, при оценке уровня депрессивности многих регионов недостаточно внимания уделяется теневой экономике¹⁶. Доходы некоторых групп людей, и нередко весьма существенные, часто не учитываются статистикой, остаются для нее невидимыми. Мотивация для отправляющихся на войну нередко более сложная и не сводится исключительно к финансовой выгоде.

¹⁶ Secret Economy: What Hiding the Stats Does for Russia

Коммерциализация военной службы, существенный рост выплат и зарплат – сохраняют привлекательность для определенного и относительно немногочисленного сегмента граждан России. Например, для тех, кто обладал опытом службы или даже участия в различных конфликтах и войнах и так и не сумел найти себя в гражданской жизни. Служба в армии привлекательна для граждан, не обладающих какими-то квалификациями применимыми в мирной жизни, и готовыми идти на войну. Если судить по запланированному на 2025 год росту военных расходов¹⁷ можно предположить, что политический режим будет пытаться сохранять коммерциализированный подход к пополнению рядов воюющих в Украине вооруженных сил.

¹⁷ Александр Прокопенко, Российский бюджет 2025

Очевидно, что россияне, входящие в эту группу, регулярно пополняют статистику погибших в ходе военных действий граждан¹⁸. Политический режим пытается скрыть общие цифры потерь по всей стране. Эта политика способствует появлению множества слухов и усиливает недоверие к власти. Россияне знают, что потери весьма значительные и эта тема активно и широко обсуждается в самых разных повседневных ситуациях и контекстах. Вопрос о потерях волнует многих россиян по разным причинам (возможность очередной мобилизации, страх за будущее детей) и предоставляет много поводов для критики ситуации в стране и в армии.

¹⁸ 160 тысяч погибших российских солдат. Главный для РФ итог трех лет войны: страна расплачивается за нападение на Украину сотнями жизней в день. Новая оценка потерь от «Медузы» и «Медиазоны»

ВПК и рост числа рабочих мест

Дополнительные финансовые ресурсы с осени-зимы 2022–2023 годов стали доступны рабочим и инженерам. Военно-промышленному комплексу (ВПК или тому, что от него осталось к началу вторжения в Украину) срочно потребовались новые рабочие руки. Какое количество людей коснулись эти изменения трудно определить. Официальные СМИ со ссылкой на чиновников сообщают, что на заводах работу нашли свыше полумиллиона человек¹⁹. В повседневности напоминаний о возможностях трудоустройства на заводах гораздо больше, чем плакатов с призывами вступить в вооруженные силы.

¹⁹ С начала СВО на оборонные предприятия пришли работать больше 0,5 млн человек

Иркутск, осень 2024. Фото Сергея Румянцева.

Следует предположить, что ВПК превратился в главного конкурента армии. Многие из жителей страны, относящиеся к тем финансово

неблагополучным социальным группам, из которых вербуются военнотружущие, предпочли завод армии. Учтывая кадровый голод, заводы нередко нанимают людей, не имеющих в момент приема на работу необходимой квалификации.

Зарплаты на заводах не могут сравниться с военными выплатами. Но и опасности, грозящие военнотружущим на войне, сотрудникам ВПК не страшны. Кроме того, многие заводы могут предоставлять право на освобождение от службы в армии (гарантии на случай новой мобилизации).

Оживление военно-ориентированной промышленности стало еще одним важным каналом перераспределения финансов. Члены значительной по численности социальной группы внезапно получили шанс на длительную занятость и относительно высокие доходы, чего не случалось уже много лет с распада СССР. Эти финансовые ресурсы часто направляются в чахнувшие моногорода, казалось бы, уже не имевшие никаких перспектив.

Возможно, что в долгосрочной перспективе оживление военного производства не имеет шансов на устойчивое развитие. На уровне повседневной коммуникации россияне весьма критически отзываются о технических возможностях армии и ВПК. И такое отношение связано не только с коррупцией в этих ведомствах (и это тоже популярная тема для обсуждений), но и с признанием неизбежности технического отставания от «Запада». В то же время, внезапно открывшиеся возможности в военно-промышленном секторе способствуют повышению качества жизни многочисленной социальной группы рабочих и инженеров.

Угроза политических репрессий

²⁰ Ежедневные репрессии.
Как в России преследуют за критику войны

Политический режим демонстрирует все меньше терпимости к своим критикам, репрессии усиливаются²⁰. И все же их масштаб и влияние на настроения в стране заметно преувеличиваются. Или, иначе, важен не масштаб (массовость), а системные принципы. Репрессии, в основном, касаются конкретного и относительно немногочисленного в масштабах всей страны сегмента населения. Это уже упоминавшиеся антивоенные гражданские активисты, деятели культуры, публичные интеллектуалы, правозащитники, журналисты, ученые и др. Очень редко в их числе оказываются люди из других социальных групп. Например, учителя, позволившие себе высказывания на уроках в школах, подпадающие под статью о публичной «дискредитации армии»²¹.

²¹ Статья УК 280.3

За прошедшие десятилетия правящий в России режим приобрёл большой опыт и «оптимизировал» политику подавления инакомыслия. Система персональных («точечных») репрессий в отношении конкретных неправительственных организаций и публичных критиков позволяет не перенапрягать систему. Очевидно, что ресурсов для массовых репрессий не хватает. Силловые и карательные структуры не справятся с большим потоком расследований. Содержание в местах заключения большого числа инакомыслящих также потребует дополнительных ресурсов.

Как показывает опыт прошедших лет режим справляется с подавлением протестных голосов иными способами. «Фокусированные» репрессии позволяют запугать абсолютное большинство критиков власти. Они проводятся таким образом, чтобы каждый из инакомыслящих мог найти в своем прошлом и настоящем достаточное число «грехов», за которые можно понести наказание. Отказ от публичных антивоенных и антирежимных высказываний (после февраля 2022 года эти жанры очень сложно разделять) очевидный способ остаться незамеченным. И режим умело подталкивает к принятию такого решения. Правила самоцензуры вырабатываются уже самими инакомыслящими и часто гораздо «успешнее», чем если бы они составлялись властями. Самоотсутствие четких правил для определения инакомыслия – это эффективный способ его подавления и распространения самоцензуры.

Еще один эффективный способ – сохранение пространств для непубличной критики власти. В современной России такие разговоры возможны не только на кухнях. Задолго до войны сложилась инфраструктура, которую могут использовать все сопричастные

сообществам и социальным сетям, члены которых выступают против войны и политического режима. Эта инфраструктура состоит преимущественно из книжных магазинов, арт-галерей, кафе и баров, где люди встречаются и обсуждают самые болезненные темы. Иными словами, если обратиться к концепции «публичной сферы» Юргена Хабермаса²², то можно сказать, что, по крайней мере, в больших городах сохраняются пространства, расположенные между частным (дом, семья) и официальным (государство) мирами. Существование этой инфраструктуры позволяет воспроизводить условия для привычной и относительно комфортной жизни. Инакомыслящие, остро ощущающие возрастающее давление режима, все же не чувствуют себя полностью загнанными в угол, оставшимися в одиночестве. Выйдя на прогулку или назначив встречу критики режима, еще могут пообщаться в дружественном пространстве, где окружающие их другие посетители наверняка разделяют их критический взгляд на происходящее. Конечно, в небольших городках и поселках ситуация для таких людей часто гораздо более сложная. Но им было сложнее и до войны.

Важнейший и весьма эффективный компонент репрессивной политики – открытые границы. Режим не стремится удерживать инакомыслящих. Напротив, репрессии проводятся таким образом, чтобы выдавить из страны как можно больше критиков власти. В конечном итоге, те, кто принимают решение оставаться в России либо полностью отказываются от любой публичности (посты и высказывания в соцсетях лучший способ их отследить), либо замыкаются в своих сетях, реконструируют сообщества единомышленников и привыкают к форматам полуподпольной деятельности.

В любом случае речь идет об относительно небольших по численности сообществах. Насколько репрессии в отношении таких сограждан беспокоят большинство других жителей России? Тема репрессивности режима не входит в десятку самых обсуждаемых. Большинство граждан страны традиционно испытывает недоверие к власти (что далеко не всегда равно недоверию лично Владимиру Путину), к государственным институтам. Но точно так же большинство не видит структурных проблем, не готово рассматривать всю систему как быстро деградирующую. Демократия всегда проигрывает «холодильнику». И на протяжении многих лет режим прилагал значительные усилия для того, чтобы эта ситуация не менялась (контролируя институт среднего образования, СМИ, ограничивая возможности для реализации политико-просветительских

проектов и пр.).

Большинство граждан России не видит себя в качестве возможной жертвы политических репрессий, так как не занимает продуманной и устойчивой сколько-нибудь публичной критической позиции. Не поддерживает идеи сколько-нибудь радикального переустройства политической системы (или просто ничего не знает о таковых). Данное обстоятельство также снижает уровень сочувствия и поддержки репрессированных сограждан.

Было бы, конечно, большой ошибкой недооценивать репрессивный потенциал «карательных институтов». Систематическое подавление инакомыслия создает условия для формирования сообщества силовиков, делающих свои карьеры на преследовании сограждан. Ситуация осложняется далеко не только по причине постоянного обновления и расширения перечня запретов, к которому жители страны должны успевать быстро адаптироваться. Сотрудники карательных институтов будут искать и находить «врагов» в любом случае. Когда закончатся реальные критики власти, силовики будут создавать заговоры и заговорщиков сами. Благо такой опыт у них имеется в избытке.

Иркутск, осень 2024. Фото Сергея Румянцева.

Официальная идеология и экономическое благополучие

Ясное представление о том, как политэкономия путинского режима влияет на настроения в стране помогает обозначить перспективы остановки военных действий в Украине. Иными словами, важно понять способен ли режим и впредь отправлять людей на войну и если да, то какие для этого необходимы условия. Практики экономической нормализации в стрессовой ситуации войны, перераспределения финансовых ресурсов и репрессий уже обсуждались выше. Здесь имеет смысл обратиться к вопросу эффективности идеологии. Специфика внутренней политики, реализуемой российским автократическим режимом в ситуации развязанной им агрессивной войны в Украине, должна отражаться в ее содержании и в деятельности идеологических аппаратов государства.

Пермь, весна 2024. Фото Сергей Румянцев.

Каковы, по словам Луи Альтюссера, «правила порядка» военного времени «установленные господствующим классом»²³? Насколько успешно режим воспроизводит условия подчинения населения

²³ Идеология и идеологические аппараты государства

этим правилам и господствующей идеологии, а также воспроизводит способности представителей режима ею (идеологией) манипулировать? Как (и если) идеология влияет на «про» или «анти» военные позиции многих граждан России, не принимающих активного участия в публичных акциях, гражданских активностях или политической деятельности?

²⁴ Валерий Фадеев: Идеология новой России возникает на фронте

²⁵ России нужна идеология для ответа на новые вызовы

²⁶ Научный путинизм. Как в России оформляется официальная идеология

²⁷ Putinism – Post-Soviet Russian Regime Ideology

Возможно, война в Украине²⁴ и острая конфронтация с «коллективным Западом»²⁵ и привнесли некие новые коннотации и лозунги в так называемую идеологию²⁶ «путинизма»²⁷. Но эта тема требует отдельного обсуждения. В рамках данных аналитических заметок имеет смысл ограничиться тезисом, что идеологический лозунг пуст. Попытки представителей режима несколько реконструировать продвигаемую уже дольше двух десятков лет националистическую идеологию, наполнить ее убедительным для населения содержанием не предназначены для громкой и публичной солидаризации населения с режимом. Контролируемое путинским режимом население огромной страны к зиме 2025 года не готово ни к массовым протестам, ни к массовой сознательной мобилизации для активного и деятельного участия в войне. И это результат политики, проводимой авторитарным российским режимом. Идеологическое обоснование войны и конфликта с «коллективным Западом» не предназначены для того, чтобы значительные по численности группы населения ими прониклись и сознательно готовы были нести жертвы и претерпевать существенные и длительные по времени экономические трудности. К зиме 2025 года режим не готов требовать дополнительных усилий от населения, опасаясь, что тем самым возникнут условия для массового несогласия с проводимой им политикой.

Суть господствующей идеологии не в пропаганде образа врага, блестящего и героического прошлого, и необходимого градуса поддержки военных действий. Российский авторитарный режим стремится к максимальной демобилизации населения. Устойчивость режима основывается на сохранении достаточно высокого уровня экономической стабильности, несмотря на санкции и войну. Безусловно, представители режима, не упускают любого шанса на идеологическую манипуляцию, но стремятся, в первую очередь, к политэкономической нормализации. В рамках этого подхода репрезентируется идеологический образ страны и режима, успешно противостоящего изоляционистской политике «Запада» (визит Си Цзиньпина²⁸, саммит «Россия-Африка»²⁹, Всемирный фестиваль молодежи³⁰, XVI саммит БРИКС в Казани³¹ и пр.). Образ «великой»

²⁸ Си Цзиньпин прилетел в Москву

²⁹ Второй Саммит Экономический и гуманитарный форум Россия – Африка

³⁰ О фестивале

³¹ Сайт «БРИКС-2024»

страны, в которой несмотря на все происки «врагов внешних и внутренних», сохраняется достаточно высокий и стабильный уровень экономического роста. До сих пор (зима 2025) режиму, в целом, удается убеждать значительную часть населения в своих способностях добиваться этих целей.

Санкт-Петербург, весна 2024. Фото Сергей Румянцев.

Вместе с тем попытки усиления идеологического контроля над школами и ВУЗами, наталкивают на предположения, что отдельные представители режима осознают его слабые стороны – провалы в воспроизводстве условий сознательного подчинения населения выбранной агрессивно-милитаристской идеологии. Затянувшаяся война заставляет представителей режима задумываться о перспективах его долговременной устойчивости. Поэтому параллельно с усилиями, направленными на политико-экономическую нормализацию, предпринимаются и попытки укрепления идеологии и государственных идеологических аппаратов. С этой задачей режим до сих пор справляется гораздо менее эффективно.

Заключение

За три года войны в Украине и противостояния России с ЕС, США и НАТО так и не была сформирована сколько-нибудь внятная идея о том, каким мог бы быть выход из создавшегося положения для большинства россиян. Множество граждан страны не испытывающих больших симпатий к режиму и не готовых поддерживать войну не могут ратовать и за коллапс экономики страны, в которой они, их дети и внуки живут сейчас и намерены жить в дальнейшем.

Но у абсолютного большинства россиян нет представления о возможном выходе из создавшейся ситуации, который не был бы связан с предполагаемым разрушением всего их привычного жизненного уклада. Если проводить весьма сомнительные исторические параллели, то сейчас страну пытаются подтолкнуть к «Версальскому договору» (признанию поражения и капитуляции), после которого не будет предложен никакой план Маршалла. Большинство предпочитает надеяться на лучший исход для себя, своих детей и близких.

Длительное по времени состояние конфронтации неизбежно заставляет приспособливаться, притупляет остроту ощущений первых дней, недель и месяцев войны. Ожидаемая катастрофа не случается уже многие месяцы, складывающиеся в годы, а повседневная жизнь неизбежно идет своим чередом. Тем более, что и режим не требует от граждан напряжения всех их сил и мобилизации всех ресурсов. Но, при этом, демонстрирует крепкие на вид мускулы, жестоко подавляя инакомыслие.

Автор:

Сергей Румянцев

Редакторы серии «Аналитические заметки»:

Елена Штайн, Сергей Румянцев

Вёрстка:

Лев Владов

Название:

Политическая экономика войны: «Специальная военная операция» в повседневной жизни россиян (зима 2024–2025)
№1, март 2025

Опубликовано:

Centre for Independent Social Research in Berlin

CISR e.V. Berlin | www.cisr-berlin.org

Изображение на обложке: Москва, осень 2024. Фото Сергея Румянцева.

